

РЕЦЕНЗИИ

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. - М.: Academia, 2002. - 480 с.

Предлагаемая вниманию монография посвящена, с одной стороны, классической проблеме социологического знания - межэтническому взаимодействию, которая имеет давнюю традицию осмысления в социальной науке. С другой стороны, та же самая проблематика не теряет актуальности и сегодня, постоянно находясь в центре внимания социологов. Для современной России эта тема сейчас особенно важна, так как прошедшее десятилетие настолько интенсивно наполнено событиями, связанными с этническими конфликтами, что просто необходимо оглянуться назад и проанализировать комплекс связанных с ними вопросов.

И трудно и, в то же самое время, легко написать рецензию на предлагаемую читателям монографию. Сложность определяется значительным объемом информации, разнообразием рассматриваемых в работе вопросов, что делает ее энциклопедией современной социологии этничности России и не позволяет дать краткое резюме для результата коллективного творчества авторов, работающих над проблемой уже не один десяток лет. Простота же задачи определяется добротностью и выверенностью предлагаемого в работе анализа.

Только простое перечисление разделов монографии займет несколько страниц. Поэтому мы вынуждены ограничиться кратким обзором лишь некоторых представленных в работе результатов, отсылая всех заинтересованных к первоисточнику.

Предметом исследования являются изменения, произошедшие в социальной конфигурации этнических групп, проживающих вместе в нескольких республиках современной России и одной области. В качестве основных объектов исследования выступают три республики - Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) и одна область - Оренбургская.

Основной фокус исследования направлен на демонстрацию социального неравенства в контексте межэтнического взаимодействия и исследование потенциальных напряжений, которые этим неравенством порождаются. Вопрос, который многократно задается в работе и на который дается комплексный ответ, можно сформулировать следующим образом: совпадает ли направление векторов социальных изменений и межэтнического взаимодействия. Нужно отметить взвешенное отношение авторов к обсуждению путей перехода субъективных и объективных ощущений этнического неравенства от простой констатации проблемы к актуализации социального конфликта.

Некоторые из основных задач исследования выглядят следующим образом:

- * На основе репрезентативных выборок выявить факторы социальной стратификации и социальной мобильности в этнических группах, различающихся по уровню модернизации, культурному наследию.

- * Установить признаки, по которым различаются контактирующие национальности в республиках (отношение к собственности, имущественное положение, престиж, власть).

- * Выявить соотношение реального этнического неравенства с представлениями о неравенстве в различных социальных группах.

- * Определить этнокультурные и этнополитические факторы, способствующие социальному успеху, предприимчивости, конкурентности, инновационности.

- * Выявить новые аспекты этнического неравенства, его влияния на деловую и неформальную стороны общения.

Необходимо сразу отметить, что авторы монографии используют понятие «титульной нации», обозначая, таким образом, национальные группы, которым приписывается национальность, соответствующая названию республики в составе государства. Титульное население сравнивается с «местными русскими», «местными татарами». Ясно, что этот подход требует некоторого обоснования и может вызвать критику по поводу подобной терминологии, являясь характерным для российской социологической науки, которая заимствовала термин «титульная» из современного политического словаря. Но мы не обсуждаем сейчас авторский тезаурус и понимаем глубину терминологических проблем при описании таких деликатных и напряженных в настоящее время проблем социального неравенства. Эти сложности проявляются далее, например, при анализе ситуации в Саха (Якутии) в первой главе второго раздела [С. 135], когда возникают категории «коренного народа», «местной национальности», «приезжие». Мы же будем использовать далее авторскую терминологию.

Первый раздел монографии «Социальная дифференциация этнических групп: советское прошлое и российское настоящее» предлагает исторический экскурс в недалекое доперестроечное прошлое, анализируя межэтнические отношения другой социальной, идеологической эпохи, что позволяет дать анализ этнической дифференциации населения накануне серьезных социально-политических преобразований, последовавших в начале 90-х годов. Этот анализ затрагивает структурные характеристики в областях профессиональной, образовательной, экономической, показывает итоги социальной динамики, тенденции изменений для народов, дающих названия российс-

ким автономиям в сравнении с русским населением республик Российской Федерации. Основными источниками данных этой части работы являются материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 годов и материалы оригинальных этносоциологических исследований. Результаты анализа показывают комплексность межэтнических процессов, которые имели место в истории нашего государства в этот период. Это, с одной стороны, сближение этнических общин по многим социально-культурным показателям, что особенно характерно для городского населения. С другой стороны, объективные и субъективные факторы неравенства продолжали сохранять специфические особенности в дифференциации трудовой занятости населения для различных этнических групп, увеличивая, в ряде случаев, дистанции между этими группами по измерениям профессионализма, уровня образованности, степени урбанизированности.

Одним из выводов анализа, который особенно подтверждается переписью 1989 года, оказалась следующая закономерность. Чем выше на социальной лестнице находилась группа, тем заметнее варьировалась ее относительная численность у представителей разных этнических общностей, что демонстрировало последствия проводимой в то время кадровой национальной политики. В сфере физического труда этнические различия были выражены слабее и имели менее значимый характер. В исследовании подчеркивается разнообразие и противоречивость ситуаций в различных республиках по динамике изменения структуры профессиональной занятости за период с 1959 года по 1989 год. На протяжении этого времени титульное население всех республик, кроме Якутии, постепенно догоняло местных русских по доле занятости высококвалифицированным умственным трудом. В Якутии же намечалась явная диспропорция в социальной стратификации по этому критерию. Титульное население республик преобладало в области научной деятельности, здравоохранения, юриспруденции, просвещения, культуры. В производственных же отраслях русские доминировали. Таким образом, в социально-профессиональном составе разных этнических групп оставалось много специфических особенностей, разнонаправленных тенденций.

Образовательные аспекты этнического неравенства того времени проявлялись в более эффективной реализации местным русским населением своего образовательного потенциала. Это проявлялось в том, что русские чаще находили работу по специальности, их профессиональная подготовка оказывалась востребованной чаще.

Различный социальный и культурный багаж этнических групп накануне кардинальных преобразований в России привел к различным последствиям после начала трансформаций. Во-первых, особенно тяжелое положение было именно в машиностроении и металлообработке, где работала значительная часть русского местного населения. Во вторых, суверенизация бывших автономных республик России сопровождалась привлечением в состав руководства людей титульных национальностей, что создавало неравенство в стартовых позициях для представителей титульных национальностей и местного русского населения. Это приводило к недовольству русских как в республиках, так и в российских областях.

Осветив предысторию развития ситуации, авторы обращаются к анализу процессов, которые начались вместе со стартом коренных

преобразований в России после распада СССР в начале 90-х годов. Одним из объектов анализа является социальная мобильность (вертикальная и горизонтальная) в классическом ее понимании смены статусной позиции. Новые сословные отношения накладываются в этот момент на предыдущие, существовавшие до начала преобразований, что дает новые измерения этнической дифференциации, неравенства.

Во-первых, несмотря на относительно низкую социальную мобильность и наличие специфических особенностей в каждом из рассматриваемых регионов представителей всех этнических групп, оказалось, что мобильность новых поколений по отношению к статусу родителей имеет характерные различия для титульных национальностей республик и местных русских. Русские в республиках понижали свой социальный статус в более массовом порядке, чем титульные нации [С. 72]. Данные свидетельствуют о наличии больших адаптационных возможностях у представителей титульных наций в республиках, чем у местных русских. Этот процесс был особенно заметен среди групп населения, занятого в промышленности, что объяснялось уменьшением относительной численности квалифицированных работников, в то время как численность малоквалифицированных работников росла.

Второй важной особенностью этого периода является изменение структуры органов власти, государственного управления, которые пополнялись, в основном, представителями титульных национальностей, нарушая пропорции представления национальных групп в населении республик. Этот факт потенциально ведет к нарастанию дискомфорта для представителей иных национальностей. Анализ не останавливается только на доказательстве этого факта, предлагаются механизмы решения проблемы [С. 116]: консультативные советы, представляющие интересы различных этнических групп; разработка программ культурного развития этнических меньшинств; приглашение представителей этнических меньшинств на работу в структуры государственной службы. Эффективность этих механизмов апробирована в Оренбургской области, национальный состав руководящих кадров которой позволяет говорить о реализации принципа равных возможностей в доступе к системе власти.

Следующий крупный раздел монографии «Интерпретации неравенства» посвящен конструированию иерархий в терминах этнической идентичности. Здесь рассматриваются различные аспекты измерения неравенства: экономическая дифференциация и мотивация, этнокультурное измерение, религиозная ориентация, гендерные аспекты.

Первая решаемая задача - проверка места этнической самоидентификации в объяснительных схемах социального успеха. Выводы авторов основываются на анкетном опросе, проведенном в названных выше субъектах Российской Федерации. К сожалению, в тексте и в приложении, где описывается одна из выборок, нет уточнения по поводу точных временных периодов сбора данных в эмпирическом исследовании, что затрудняет соотнесение анализа с конкретными фазами развития ситуации. Для повышения достоверности информации именно с точки зрения этничности анкета «разбавлена» вопросами, касающимися «внеэтнических» категорий. Одним из выводов является отсутствие значимой связи объяснения собственных успехов с этнической идентичностью, которая используется при межгрупповых сравнениях.

Другой вывод касается дифференциации в представлениях этнических групп о справедливых способах распределения доходов среди людей, причем этот анализ основывается не на общих представлениях о справедливости, а на эмпирической проверке приемлемости нескольких принципов распределительной справедливости: равенства, баланса вклада и доходов, удовлетворения потребностей и авторитета. Оказалось, что с большим перевесом во всех исследуемых республиках и Оренбургской области лидирует принцип распределения по вкладу в общее дело [С. 148], что противоречит представлениям о приверженности россиян принципам равных доходов. Тем не менее, группа людей, воспринимающих рыночные принципы распределения доходов как несправедливые, достаточно велика - до трети всех опрошенных, что свидетельствует о потенциальном переносе этого недовольства на уровень этнического неравенства. Именно к такому выводу приходят авторы позже, когда находит свое эмпирическое подтверждение переход от рыночной конкурентности к межэтническому противостоянию в рамках распределительной модели, статистически значимой связи у респондентов возможностей успешного экономического развития и фактом этнической принадлежности.

Отдельно рассматривается вопрос о влиянии религиозной принадлежности респондентов на неравенство этнических групп и интеграцию внутри них и между ними. Эмпирическая база исследования в этом направлении составляет более тысячи респондентов из Татарстана, сбор данных проводился в 1997 году. И здесь показано значимое различие для двух преобладающих религий этого региона - мусульманской и православной. Оказалось, что мусульмане более ориентированы на рыночные отношения и видят в экономических и социальных преобразованиях больше пользы, чем православные. Верующие же в своей массе меньше рассчитывают на себя, на свою способность заработать, отличаются более терпимым отношением к иным национальным группам [С. 271]. Достаточно пестрая и противоречивая картина свидетельствует о нестабильности мировоззренческих позиций, в том числе и в отношении к религии.

Если до определенного момента стержень анализа был в сравнительном анализе трех республик России и Оренбургской области по всем этническим группам, то раздел «Региональная вариативность социальной дифференциации этнических групп» более подробно останавливается на сравнении этих групп уже внутри субъектов федерации. Целью такого анализа является рассмотрение этнического неравенства с позиций классического структурного подхода. Причем в качестве индикаторов привлекаются как объективные (статистика по профессиональной и отраслевой занятости, миграционные показатели, уровень образования), так и субъективные показатели (самоидентификация по шкалам богатства, власти, престижа) неравенства. Например, в Республике Саха (Якутия) авторы пришли к выводу, что социальные трансформации 90-х годов значительно перераспределили властные ресурсы, укрепили консолидацию титульной национальности и усилили разобщенность русских. Структурные диспропорции в различных отраслях только усугубились, бюрократический аппарат управления увеличился и пополняется он, в основном, за счет титульной части населения [С. 299]. Многие данные эмпирических исследований носят противоречивый характер, и их интерпретация не позволяет давать

однозначные суждения о самочувствии тех или иных этнических групп внутри административных образований. Так, отмечаются неблагоприятные тенденции в развитии башкирского этноса в Республике Башкортостан, которые определяются факторами, сформировавшимися на протяжении всего прошлого века. Башкиры, например, по численному составу уступают русским и татарам в республике, преимущественно расселяются в сельских районах республики, что определяет и профессиональные диспропорции, когда русские заняты, как правило, в сферах деятельности, которые традиционно требуют высокой квалификации.

Заключительный раздел монографии посвящен анализу интеграционных ресурсов, которые позволят достичь необходимого уровня толерантности контактирующих этносов. Важным тезисом, который убедительно доказывается, является «двойная» идентификация русских, проживающих на территории республик: этническая и гражданская [С. 393]. Этот факт вносит определенную специфику в процессы консолидации русских в республиках, когда общероссийская идентификация преобладает над внутриэтнической. Реальность на самом деле демонстрирует внутреннее напряжение в межэтническом взаимодействии и основное внимание авторы уделяют конкурентному полю социального взаимодействия, субъективным оценкам контактирующих этносов, самооценкам этнических групп в сравнении с соседями.

Жанр рецензии предполагает включение в текст замечаний к работе и демонстрацию упущений и недоработок авторов. В рецензируемом случае спектр претензий полностью детерминирован размахом исследования и теми задачами, которые поставил перед собой авторский коллектив. Набор проблем, которым противостоят авторы исследования, является стандартным набором, о котором говорит, например, Р. Пффефкорн [Пффефкорн, 1996], обсуждая проблему раскрытия социального неравенства средствами статистики: недостаточность, гетерогенность, несравнимость данных. Это обстоятельство еще более усиливается, когда рассматривается длительный исторический период. Например, в первом разделе перед нами предстает достаточно пестрая картина, которая фактически должна восприниматься «на слух». Авторы иногда уходят от точечного анализа главных объектов исследования, давая множество разноплановых данных о различных республиках (например, Осетии, Бурятии, Чувашии и некоторых других), которые не заявлены в формате основной задачи, особенно это заметно во второй главе первого раздела монографии.

Явно не хватает обобщающих крупные разделы введений и заключений, которые позволили бы сразу понять логику повествования, представить себе общий замысел раздела, очертить методологические границы конкретного исследования, компактно просмотреть итоговые выводы.

Кстати, только во втором разделе авторы коротко обсуждают понятия этнической и национальной идентичности, предлагая небольшое теоретическое введение и отсылая к источникам, разграничивающим эти понятия [С. 121]. Впрочем, далее эти категории анализа не раз-

личаются и фактически воспринимаются как синонимы. То же самое можно сказать о достаточно широком наборе стратификационных категорий (группа, слой, страта, сообщество, класс), которые представляют различные, часто взаимоисключающие теоретические концепции в описании структуры общества, но используются в тексте достаточно свободно без полезных в таком случае уточнений.

Многие данные о тенденциях и изменениях в социально-профессиональной структуре, стратификации в образовании, экономике воспринимались бы более эффективно, если бы использовалось графическое представление распределений и временных рядов, а не просто процентные и частотные характеристики, приведенные в таблицах. Единственный пример использования графической визуализации временных рядов имеется на странице 302, что сразу же дает возможность легко оценить различия в динамике описываемых процессов (дается динамика изменения численности этнических групп Башкортостана за период от 1897 года до 1989). Частотные распределения же представлены только таблично.

Все перечисленные замечания носят рекомендательный характер и не умаляют достоинств фундаментальной работы, которая будет полезна на всех уровнях формирования, анализа и реализации социальной политики в современной России. Монография, безусловно, является важным вкладом в исследование актуальной проблемы межэтнических отношений нашего государства, станет источником новых идей для исследователей, предлагая не только широкий набор эмпирических данных и образцов их анализа, но и демонстрируя методологические подходы и теоретические обоснования для исследуемых проблем. Неотвратима польза проделанной работы для преподавателей вузов, ввиду ее полного соответствия по проблематике, типу эмпирического исследования, целому набору стандартных университетских курсов по социальной статистике, социальной демографии, социологии труда и многих других. Единственным серьезным недостатком книги является ее ограниченный тираж (всего одна тысяча экземпляров), что не позволяет надеяться на ее повсеместную доступность.

Список литературы

Пфедеркорн Р. Социальное неравенство и статистика: пределы статистического подхода // Проблемы теоретической социологии: Вып. 2. СПб, 1996. С. 155-167.

Виталий Владимирович Печенкин
д.с.н., профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета,
электронная почта: pechv@mail.ru